

Энн Эпплбаум**Железный занавес****Подавление Восточной Европы
(1944-1956)**

М.: Московская школа гражданского просвещения. Серия "Культура. Политика. Философия". 2015

В книге "Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956)" ("Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe 1944–56") Энн Эпплбаум представила исследование о советизации трех стран Восточной Европы — Польши, Венгрии и Восточной Германии — в первое послевоенное десятилетие. Труд Эпплбаум основан на работах историков из этих стран, а также интервью и воспоминаниях участников описываемых событий. Книга уже получила ряд престижных наград¹.

Автор принадлежит к консервативному крылу интеллектуалов, принимавших самое активное участие в идеологической борьбе в период холодной войны. Возглавляя политологические исследования в Legatum Institute, Эпплбаум ничуть не отошла от своих прежних установок: она стремится обосновать беспочвенность аргументов тех исследователей и политиков, прежде всего в США и Западной Европе, кто придерживался "ревизи-

онистских" позиций и соглашался хотя бы с частичной легитимностью коммунизма и советизации Центральной и Восточной Европы после войны. Эта задача обозначена во введении, хотя в основном тексте книги аргументы "ревизионистов" не приводятся вовсе.

Основной посыл довольно объемной (более 700 страниц в переводе на русский язык) монографии не нов: Красная Армия сперва физически изнасиловала и ограбила покоренные страны, а потом подчинила их политически, установив тоталитарные режимы по советскому образцу. Автор вскользь упоминает о том, что приход Красной Армии "вернул свободу миллионам людей", что "появление Красной Армии позволило полякам, живущим в западных областях, вновь разговаривать по-польски" и т.п. Однако основное внимание во второй главе "Победители" уделено вопросу о том, "почему освободители стали мародерами и насильниками". Ссылаясь на Александра Солженицына и Льва Копелева, Эпплбаум пишет, что армейское начальство "не проявляло особой заинтересованности в предотвращении безобразий, а на изнасилования и немо-

¹ Среди наград, врученных Эпплбаум за рецензируемую здесь книгу, — the Cundill Prize for Historical Literature, the Duke of Westminster Medal, and an Arthur Ross Silver Medal from the Council on Foreign Relations.

тивированные убийства явно смотрело сквозь пальцы, особенно в начале оккупации” (с. 75).

Первая часть книги, состоящая из десяти глав, повествует о становлении новых институтов власти, прежде всего в Восточной Германии, Венгрии и Польше, в период до конца 1940-х годов, когда в результате мер по устрашению и преследованию политических оппонентов вкупе с массивной пропагандой, главным образом посредством радио, фальсификацией выборов и сворачиванием практически любых форм частного предпринимательства в этих странах восторжествовал навязываемый Москвой политический и экономический порядок.

Вторая часть, чуть меньшая по объему, рассказывает о “разгуле сталинизма”, о борьбе новых режимов с реальными и мнимыми врагами, о попытках сформировать “нового человека”, утвердить принципы социалистического реализма в литературе и искусстве, расширить социальную базу режима и, наконец, приводит примеры различных форм протеста в восточноевропейских странах после смерти Сталина.

Знакомство с книгой вызывает смешанные чувства. Безусловно, перед нами результат кропотливой работы с исторической литературой, а также документами устной истории — многочисленными интервью со свидетелями событий, о которых говорится в книге. Именно голоса теперь уже пожилых поляков, венгров и немцев из Восточной Германии и их трагические истории, усиленные писательским талантом автора, создают тот эмоциональный фон, который вызывает у читателя не только полное доверие и симпатию к жертвам просоветских режимов в странах Восточной Европы, но и острое неприятие всего того, что стало причиной их горя.

Очевидно, именно такую задачу Эпплбаум и ставила перед собой: не столько аргументированно оппонировать историкам начала холодной войны, изучающим ее истоки и причины, а также советские планы по послевоенному устройству в Центральной и Восточной Европе, сколько показать механизм советизации. “Железный занавес” оправдывает ожидания тех, кто уже знаком с другими ра-

ботами Эпплбаум, включая монографию о ГУЛАГе². Возлагая основную ответственность за сорок лет несвободы и экономического отставания советских сателлитов на руководство СССР и его сторонников в Польше, Венгрии и ГДР, автор не снимает ее и с западных демократий, прежде всего с США и Великобритании, которые в первые послевоенные годы отдали этот регион на откуп Сталину. Фатализм Черчилля был очевиден: раз Красная Армия пришла, выдворить ее уже не удастся. “Запад не только допустил, — продолжает Эпплбаум, — но и принял это, точно так же как он смирился с разделением всей Европы” (с.65).

Усталость народов Восточной Европы от войны и чудовищный экономический упадок, “ментальность беженца”, беспомощность исключительно бедного населения вследствие колоссальных разрушений — все это создавало благоприятные предпосылки для деятельности левых и коммунистов, которые сполна воспользовались ситуацией (с.45)

Натурализм горя и страданий жертв оккупации и политического террора не может оставить читателя равнодушным. Одной из самых убедительных в книге Эпплбаум является глава, посвященная этническим чисткам в связи с гигантским переселением народов, последовавшим за изменением границ. Эти переселения в немалой степени стали реваншем по отношению к немцам: проиграв войну, они теперь подвергались пыткам со стороны бывших жертв, включая поляков и евреев: “Их (немцев) морили голодом, избивали, им на головы лили экскременты, поджигали волосы, у них вырывали золотые зубы, а фразу “я — немецкая свинья” заставляли повторять многократно... Начальница тюрьмы в Гливице (на территории Польши — НЛ), еврейка по имени Лола Поток, прошедшая Освенцим и потерявшая там родных, включая мать и детей, лично допрашивала немцев касательно их связи с нацистами. Если жертвы признавались в коллаборационизме, она избивала их плетью; но и отказ от признания тоже не избавлял от избиения” (с. 191).

Автор подробно повествует о межэтническом конфликте и массовых экзекуциях укра-

2 Applebaum A. Gulag: A History. New York: Doubleday, 2003

инцев и поляков на Волыни³. Летом 1943 года членами украинской повстанческой армии были убиты около 50 тыс. поляков, в основном гражданских лиц, а десятки тысяч бежали. Позже поляки мстили, проводя “акции возмездия”, но “через неделю украинцы нанесли ответный удар: сожгли деревню, изнасиловали всех женщин и убили каждого, кто не смог убежать” (с. 199).

Отмечая достоинства книги, не оставим в стороне и некоторые дискуссионные сюжеты. На наш взгляд, “архивная революция” в странах Восточной Европы и в России, произошедшая в начале 1990-х годов, открыла перед историками новые возможности, которыми Эпплбаум не воспользовалась. Наиболее полно представлены материалы интервью, собранные автором в Польше, Венгрии и Германии, но насколько они репрезентативны? И как соотносятся с другими источниками — например, с дневниками, письмами, воспоминаниями? А также с рассекреченными документами партийных органов и спецслужб, которые, среди прочего, содержат свидетельства об основных политических фобиях коммунистов, их представления о политических оппонентах, сводки о настроениях населения, в частности, в диссидентской среде, а также о формах сопротивления. Представляется, что кроме мнения авторитетных респондентов — Солженицына и Копелева, в случае с оценкой размаха преступлений красноармейцев⁴ автор-историк должен глубже разбираться и в том, как относилось руководство СССР к данной проблеме. Следует напомнить, что 19 января 1945 года Сталин подписал специальный приказ, который гласил, что “... население на завоеванных областях, независимо от того немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволяются половые связи с

женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны”. Приказ был доведен до каждого солдата. Однако разъяснения политотделов далеко не всегда находили должный отклик.

В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранятся материалы политотделов, содержащие протоколы красноармейских, комсомольских и партийных собраний, на которых обсуждались случаи девиантного поведения военнослужащих. Из них следует, что армейское руководство считало их отнюдь не поведенческой нормой, а чрезвычайным событием, требующим принятия решительных мер.

Кроме того, сохранилось немало советских источников личного происхождения, которые свидетельствуют о том, как красноармейцы на этом этапе войны преодолевали естественную жажду мщения⁵.

Стоит отметить и то, что граждане стран Восточной Европы были также исполнены жажды мщения по отношению к побежденным немцам. В секретном докладе, направленном 5 марта 1945 года наркому внутренних дел Берии его заместителем, уполномоченным НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту Серовым (который часто упоминается в книге Эпплбаум), говорится, что «со стороны военнослужащих 1-й Польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»⁶. В одном из политических донесений Военного совета 1-го Украинского фронта приводятся слова немецких жителей: “Лучше мы будем все время находиться под русской оккупацией, чем быть под властью поляков, так как поляки не умеют управлять и не любят работать”⁷.

Представляется, что в книге существенно преувеличен размер влияния советских спецслужб на спецслужбы стран — сателлитов СССР. Во-первых, оно никогда, даже в самом начале, не было тотальным, просто потому что такой контроль было невозможно установить в иностранных государствах; во-вторых,

3 Лучшая, вероятно, книга на эту тему написана Амиром Вайнером: WEINER A. *Making Sense of War. The Second World War and the Fate of Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002

4 Еще одним примером подобного исследования была книга немецкого автора Иохима Гофмана, которая выдержала четыре издания в Германии. ГОФМАН И. *Сталинская истребительная война (1941–1945 гг.). Планирование, осуществление, документы*. М.: АСТ, Астрель, 2006,

5 См., например, Алексеевич С.А. *У войны не женское лицо*. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 301-302

6 *Часть населения кончает жизнь самоубийством*// Коммерсантъ-Власть. 2000. № 6(357). С. 47.

7 Там же

советские спецслужбы сами проходили ряд серьезнейших потрясений в послевоенное время, и это отражалось не только на кадрах, но и на установках компартии относительно места и роли госбезопасности в деле социалистического строительства.

Книга не отвечает на целый ряд вопросов, важных в контексте заявленной темы⁸. Например, Вячеслав Молотов присутствовал на обсуждении плана Маршалла, которое проводилось в июле 1947 года. Более того, Москва сперва даже поощряла своих партнеров из Восточной Европы прибыть на эту встречу. Однако вскоре курс СССР резко поменялся: советское руководство отказалось от американской финансовой помощи и встало на путь закручивания гаек, используя весь арсенал средств, называемый “сталинизацией”. Почему доктрина Трумэна, провозглашенная в марте 1947 года и ставшая ядром глобальной стратегии сдерживания, не вызвала особой реакции Кремля, а, казалось бы, безобидный экономический план привел к жесткому давлению СССР на союзников и созданию в сентябре 1947 года Коминформа? Почему в марте 1948 года Москва призвала своих восточноевропейских союзников откеститься от Югославии, хотя именно эта страна к этому времени, по признанию Коминформа, была идеологически ближе других к СССР, а сами югославы считались младшими славянскими братьями? Почему Сталин из ближайшего союзника сделал врага в условиях, когда Бельгия, Франция, Люксембург, Голландия и Великобритания подписали так называемый Брюссельский пакт, ставший предвестником НАТО?

Наконец, дискуссии о тоталитаризме и сравнении сталинизма и нацизма привели подавляющее большинство авторов к выводу о том, что если нацизм был саморазрушающейся системой, пожирающей себя изнутри, то социализм даже в его сталинском воплощении нес в себе зерна созидания, надежды на справедливость и имел довольно широкую социальную базу. То же касается и политических режимов тех стран, которые являются объектом исследования Эплбаум. Какова

8 См. например, книгу Тэда Хопфа о происхождении холодной войны, вышедшую в то же время, что и книга А. Эплбаум. — HOPF T. *Reconstructing the Cold War. The Early Years, 1945-1958*. Oxford: Oxford University Press, 2012

была роль ожиданий новой жизни в Польше, Германии и Венгрии? Сколько было сторонников у социалистического выбора? Имели ли они ненасильственный потенциал к росту?

Несмотря на наличие привязанных ко времени и месту источников (голоса униженных и оскорбленных граждан восточноевропейских стран звучат с каждой страницы), в книге Эплбаум не чувствуется понимания широкого международного исторического контекста. Все, что произошло в странах Центральной и Восточной Европы, представлено как реализация зловещего плана Сталина, который еще в 1939 году вынашивал замысел о разделе сфер влияния в Европе. Каким же был на самом деле план Сталина в послевоенной Европе? Какими были взгляды на послевоенное устройство у советского руководства? В книге не приведено почти никаких важных документов той эпохи. В частности, еще в 1943 году в СССР была создана специальная комиссия, которая разрабатывала планы послевоенного мироустройства, но о ней Эплбаум не упоминает вовсе. Между тем эта комиссия среди прочего изучала вопрос об отношениях с союзниками, и члены комиссии были согласны с бывшим наркомом иностранных дел Максимом Литвиновым, ее руководителем и автором записки о судьбе договора о союзе с Великобританией, в том, что и после войны партнерские отношения сохранятся⁹. Восточноевропейская политика СССР не должна была этому помешать. Основательные публикации российских историков и тех западных исследователей, которых Эплбаум называет “ревизионистами”, показывают, что все участ-

9 М. Литвинов при этом ссылался на известную книгу Уолтера Липпмана и авторитетные западные издания, в частности, на лондонскую “Таймс” и “Нью-Йорк Таймс”. “Таймс”, в частности, писала, что англичане стремились обеспечить безопасность своих коммуникаций в восточном районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке, а СССР - безопасность своих границ. Таким образом, равновесие сил в Европе после сокрушительного поражения Германии может быть достигнуто в результате заключения англо-советского соглашения, при котором в сфере интересов СССР окажутся Финляндия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, славянские страны Балканского полуострова и Турция. В английскую сферу “безусловно могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция”...- Архив внешней политики. Ф.06. П.214. Оп.6. Д.143. Л.31-39).

ники “большой тройки” несут ответственность за девальвацию сотрудничества и переход к холодной войне. В частности, уже с 1946 года в США сложился антисоветский консенсус, произошла реидеологизация политики в отношении СССР как своего рода антитезы курсу Рузвельта на сотрудничество¹⁰. Таким образом, зерна грядущего противостояния присутствовали задолго до того, как СССР приступил к советизации стран Восточной Европы, а слова Черчилля, произнесенные в Фултоне, были скорее пророчеством опытного политика, нежели констатацией послевоенного раскола Европы на две антагонистические части.

В целом, перед нами талантливая работа политически ангажированного автора. Эпплбаум еще раз показала, что она превосходный рассказчик, но неважный историк и не вполне удачливый прорицатель.

“Нельзя быть уверенными в том, — пишет она, — что мобильные телефоны, интернет и спутниковые фотографии никогда не станут оружием режимов, стремящихся к “всеобъемлющему контролю” (с. 21) Год спустя после разоблачений Эдварда Сноудена о всеобъемлющей системе шпионажа США, распространившейся на собственное население и союзников, эти слова у части читателей, вероятно, вызовут ироническую улыбку и ассоциации совсем не с теми государствами, которые, по мнению автора “Железного занавеса”, представляют угрозу свободному миру.

Никита Ломагин

¹⁰ См. *Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. Ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003